

Экзегетическія замѣтки.

I.

1 Коринѣ. 7, 14: *святится (ἡγιασται) бо мужъ невѣренъ о женѣ вѣрнѣ, и святится жена невѣрна о мужи вѣрнѣ: иначе бо чада ваша нечиста были бы, нынѣ же свята суть (ἐπεὶ ἄρα τὰ τέκνα ὑμῶν ἀκάθαρτά ἐστι, οὖν δε ἁγιά ἐστίν).*

Въ недавно вышедшемъ сочиненіи о. Алексія Бургова: „Православно-догматическое ученіе о первородномъ грѣхѣ“, Кіевъ, 1904, приведенное трудное для пониманія мѣсто перваго посланія къ Коринѣянамъ, послѣ критическаго разбора различныхъ его толкованій, изъясняется слѣдующимъ образомъ.

„Глаголь *ἡγιασται* долженъ здѣсь удерживать свой положительный нравственный смыслъ (1 Кор. 1, 2; 6, 11; Евр. 10, 10. 29), указывая на нравственное освященіе невѣрующаго супруга въ вѣрующемъ, какъ на фактъ уже совершившійся, хотя бы только отчасти, въ смыслѣ положенія *основанія* для дальнѣйшаго христіанскаго освященія или спасенія. Твердое согласіе, даваемое невѣрующимъ супругомъ вѣрующему на продолженіе брачнаго общенія съ нимъ при новыхъ условіяхъ, свидѣтельствуетъ объ общности ихъ

интересовъ и нравственной близости одного къ другому, объ измѣненіи природы язычника или язычницы въ сторону христіанскую, что можетъ послужить зародышемъ и благодатнаго освященія (ст. 16)“. „Иначе дѣти ваши—нечисты, а теперь святы“... Такъ какъ рѣчь—говоритъ авторъ—идеть о смѣшанномъ бракѣ, то подъ τῆν α βρῶν лучше всего разумѣть дѣтей отъ смѣшаннаго брака, и все выраженіе слѣдуетъ принять за второе самостоятельное, *практическое* основаніе для предшествующей мысли апостола (ст. 13. 14). Апостоль указывааетъ на печальныя послѣдствія, имѣющія произойти отъ разлученія супруговъ для ихъ дѣтей. „Иначе“, т. е. при вашей раздѣльной жизни, и дѣти ваши, оставаясь на попеченіи языческаго супруга,—желаніе котораго имѣть *при себѣ* дѣтей вполнѣ было осуществимо въ языческомъ государствѣ того времени,—были бы нечистыми, языческими, грѣховными дѣтьми, подверженными первородному грѣху. „А теперь“,—при вашей совместной согласной жизни,—они „святы“, т. е. благодатное освященіе ихъ вполнѣ обезпечено христіанскимъ вліяніемъ вѣрующаго супруга, при отсутствіи противодѣйствія супруга невѣрующаго, нравственное вліяніе котораго на дѣтей не могло идти въ данномъ случаѣ, при нѣкоторой освященности самаго невѣрующаго (ст. 13), въ разрѣзъ съ вліяніемъ христіанскимъ. Выраженіе „святы“ (ἅγιά ἐστέ), въ противоположность естественной грѣховной нечистотѣ, въ его категорической формѣ и употреблено Апостоломъ въ виду будущаго несомнѣннаго факта благодатнаго освященія дѣтей *такихъ* именно родителей. Ясное и несомнѣнное будущее нерѣдко выражается въ настоящемъ времени. По сравненію съ гл. ἡγίασται прилаг. ἅγιά ἐστέ представляетъ изъ себя болѣе сильное выраженіе, употребляющееся въ Св. Писаніи въ спеціально христіанскомъ смыслѣ, почему примѣнимо только къ христіанскому благодатному освященію. Впрочемъ, святость можетъ быть и настоящимъ свойствомъ тѣхъ дѣтей изъ смѣшаннаго брака, которыя

приняли крещеніе вмѣстѣ съ вѣрующею стороною—отцомъ или матерью“¹⁾).

Какъ видно, приведенное толкованіе страдаетъ большою неопредѣленностью. Во-первыхъ, безъ всякаго основанія ἡγιασται понимается въ смыслѣ *нравственнаго* освященія, а ἁγία ἐστιν—въ значеніи *благодатнаго* освященія, тогда какъ оба выраженія имѣютъ несомнѣнно одинъ смыслъ. Во-вторыхъ, произвольно придается словамъ ἁγία ἐστιν значеніе будущаго, и при томъ *несомнѣннаго будущаго*, тогда какъ на эту несомнѣнность ничѣмъ въ текстѣ не указано, и самъ авторъ отказывается отъ своего толкованія, когда прибавляетъ, что святость могла быть *настоящимъ* свойствомъ тѣхъ дѣтей смѣшаннаго брака, которыя были крещены. Въ-третьихъ, авторъ совершенно ненатурально (слѣдуя, быть можетъ, Hardy, Le Baptême des enfants, 1882) истолковываетъ ἐπεὶ ἄρα—„иначе бо“ и дал. въ смыслѣ второго самостоятельнаго практическаго основанія для предшествующей мысли Апостола (ст. 13. 14); на самомъ дѣлѣ слова эти служатъ обоснованіемъ непосредственно предшествующаго, выраженаго Апостоломъ съ такою саялою: „ибо невѣрующій мужъ *освящается* женою вѣрующею, и жена невѣрующая *освящается* мужемъ вѣрующимъ“, и относитъ ихъ къ ρὺ ἀφίετω 13 ст. будетъ явнымъ произволомъ. И нельзя не замѣтить, сколько предположеній, при своемъ толкованіи, нагромождаетъ авторъ: „а тецерь—при вашей совмѣстной согласной жизни, они (т. е. дѣти) святы, т. е. благодатное освященіе ихъ вполне обезпечено христіанскимъ вліяніемъ вѣрующаго супруга, *при отсутствіи противодѣйствія супруга невѣрующаго*, нравственное вліяніе котораго на дѣтей *не могло идти въ данномъ случаѣ, при нѣкоторой освященности самого невѣрующаго, въ разрѣзъ съ влія-*

¹⁾ Стран. 34—37.

ниемъ христіанскимъ“. Но это „отсутствіе противодѣйствія“, „нѣкоторую освященность“ опять въ текстѣ разсматриваемаго мѣста нѣтъ никакого указанія и все это свободно примышляется.

О. Бурговъ вооружается противъ весьма распространеннаго, и въ древнее, и въ новое время, такъ называемаго ритуальнаго повиманія данныхъ словъ Апостола, которое придаетъ ἡγίασται значеніе: „не нечистъ“, „не оскверняется“, а ἄγία ἕσθινъ изъясняетъ въ смыслѣ: „не нечисты“. „Простое категорическое указаніе Апостола—говоритъ авторъ—что въ брачномъ общеніи вѣрующаго супруга съ невѣрующимъ нѣтъ и не можетъ быть нечистоты, не могло имѣть значенія *основанія* для предшествующей мысли Апостола“¹⁾). Этимъ своимъ категорическимъ заявленіемъ и довольствуется авторъ, ни чѣмъ его не подтверждая. А въ дѣйствительности затрудненіе коринѳянтъ именно въ томъ и состояло, *не оскверняется ли христіанскій супругъ*, продолжая свое брачное общеніе съ невѣрующимъ супругомъ,—язычникомъ, или іудеемъ,—*не нечистъ ли такой бракъ*, и это именно затрудненіе и разрѣшаетъ св. Апостолъ, указывая на *чистоту смѣшанныхъ браковъ*. „Ритуальное“ пониманіе данныхъ словъ наиболѣе, по нашему мнѣнію, оправдывается текстомъ; Ἀχάδαρτα показываетъ, что ἡγίασται и ἄγία нельзя понимать въ строго буквальный смыслъ. Необходимо только это пониманіе восполнить, насколько возможно, внутреннимъ моментомъ.

Святится бо мужъ невѣренъ о женѣ вѣрнѣ, и святится жена невѣрна о мужи вѣрнѣ. Святится—не въ томъ смыслѣ, что невѣрующая половина стала въ бракѣ уже дѣйствительно *освященною*, а въ томъ значеніи, что она не нечиста. Брачное отношеніе вѣрующаго съ невѣрую-

¹⁾ Стран. 34.

щимъ не дѣлаетъ вѣрующаго сквернымъ, ибо вѣрующая половина, какъ тѣло Христово, какъ храмъ Духа Святаго, очищаетъ невѣрующаго, „препобѣждаетъ его нечистоту“. Не потому бракъ становится бракомъ, что одна половина его вѣрующая; Апостолы не отрицали реальности языческихъ браковъ. Мысль св. Апостола та, что смѣшанные браки не должны считаться скверными, нечистыми, а потому супруги могутъ продолжать свое прежнее брачное общеніе. Нельзя понимать „святится“ въ смыслѣ нравственнаго освященія, или въ смыслѣ приведенія невѣрующаго къ вѣрѣ, ибо то и другое только возможны (ср. 1 Коринѳ. 7, 16), Апостолъ же опредѣленно говоритъ: ἁγιασται. Святится, — ибо невѣрующій супругъ уже исторгнутъ изъ тьмы или общенія съ нечистымъ, грѣховнымъ міромъ; онъ поставленъ въ иную—христіанскую среду. *Аще ли начатокъ святъ, то и примѣненіе, и аще корень святъ, то и вѣтви* (Римл. 11, 16).

Иначе бо—ἐπεὶ ἄρα, т. е. при противоположномъ взглядѣ,—если бы невѣрующій не святился чрезъ вѣрующаго, или если бы на невѣрующую половину въ бракъ смотрѣть, какъ на нечистую. Такой смыслъ имѣетъ ἐπεὶ ἄρα, напр., въ 1 Коринѳ. 5, 10: „понеже убо должны бы есте были (ἐπεὶ δεφεύλετε ἄρα) отъ міра сего изыти“, т. е. при противоположномъ взглядѣ, что не нужно имѣть общенія не только съ христіанами блудниками, но ни съ какими блудниками, или хищниками, или идолослужителями.

Чада ваша. Хотя употреблена форма τὰ τέκνα υἱῶν, а не ἀδελφῶν, но, судя по ходу рѣчи, здѣсь разумѣются, какъ справедливо настаиваетъ и о. Бурговъ, не дѣти коринѳскихъ христіанъ вообще, а дѣти смѣшанныхъ браковъ, ибо рѣчь идетъ именно объ этихъ бракахъ.

Нечиста были бы, нынѣ же свята суть. Такъ какъ подъ „чадами“, какъ только что сказано, разумѣются не христіанскія дѣти вообще, а дѣти отъ смѣшанныхъ

браковъ, то не можетъ быть принято столь распространенное въ западной экзегетикѣ толкованіе, по которому Апостолъ, какъ бы обращаясь къ коринѣскимъ христіанамъ, спрашиваетъ ихъ: какъ вы смотрите на своихъ дѣтей? считаете ли вы ихъ нечистыми? Вѣдь ваши дѣти, хотя еще не приняли крещенія, но уже освящены, и освященіе имъ передается отъ ихъ вѣрующихъ родителей. Точно такимъ же или аналогичнымъ образомъ, разъясняетъ св. Павелъ, освящается и въ бракѣ невѣрующая половина чрезъ вѣрующую. Но Апостолъ, повторяемъ, говоритъ здѣсь о смѣшанныхъ бракахъ и о дѣтяхъ именно отъ этихъ браковъ. Такъ какъ смѣшанные браки, заключенные до принятія одною половиною христіанства, не нечисты, то и плодъ этихъ браковъ — дѣти такъ же не нечисты; отъ чистоты дѣтей такихъ браковъ, признаваемой естественнымъ чувствомъ родителей, заключается къ чистотѣ самихъ браковъ. Въ какомъ смыслѣ эти дѣти не нечисты? Понятіе ἀκάθαρτος прилагается въ Новомъ Заветѣ почти исключительно къ злымъ духамъ. Но встрѣчаемъ и слѣдующія мѣста: *никогда же ядохъ всяко скверно или нечисто* (κοινὸν ἢ ἀκάθαρτον, Дѣян. 10, 14); *миѣ Богъ показа ни единого скверна или нечиста глаголати челоуѣка* (Дѣян. 10, 28); *изыдите отъ среды ихъ и отлучитесь, глаголетъ Господь, и нечистотѣ не прикасайтесь* (2 Корин. 6, 17); *всякъ блудникъ или нечистъ* (Ефес. 5, 5). На основаніи этихъ мѣстъ видно, что „нечистый“ то же, что не соотвѣтствующій іудейской ритуальности, не принадлежащій къ ветхозавѣтной теократіи, языческій (profanus), грѣховный. *Чада ваша нечиста были бы, нынѣ же свята суть*: они уже не суть дѣти языческія съ ихъ естественною нечистою; они уже изъяты изъ среды нечистоты; назначеніе ихъ иное, ибо они уже отчасти изведены изъ области господства князя міра. И святой І. Златоустъ говоритъ, что ἄγχι употреблено здѣсь въ усиленномъ смыслѣ. „Свята суть, т. е. не нечисты. Назы-

ваеѣ ихъ святыми для того, чтобы такимъ названіемъ еще сильнѣе отгнать опасеніе супруговъ“¹⁾).

При такомъ пониманіи словъ: „нынѣ же свята сущь“, въ разсматриваемомъ мѣстѣ нѣтъ указанія ни на крещеніе дѣтей, ни на отсутствіе этого крещенія, благодатное дѣйствіе котораго замѣняется будто бы вѣрою родителей, освящающею дѣтей. Можно только сказать, что, по ученію св. Апостола, дѣти смѣшанныхъ браковъ уже *предназначены* къ крещенію, къ принятію христіанства, ибо они уже введены въ иную среду, не сущь языческія дѣти.

II.

1 Иоан. 2, 22: *кто есть лживый, тощю отлметаяся, яко Исусъ нѣсть Христось.*

1 Иоан. 4, 2: *всякъ духъ, иже не исповѣдуетъ Исуса Христа во плоти пришедша, отъ Бога нѣсть.*

1 Иоан. 5, 6: *Сей есть пришедый водою и кровію, Исусъ Христось, не водою тощю, но водою и кровію.*

Въ только что вышедшей, весьма солидной, ученой работѣ преподавателя Полтавской духовной семинаріи *Н. Сагарды*: „Первое соборное посланіе святаго Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова, Полтава, 1903“, трудный вопросъ о лжеучителяхъ, обличаемыхъ въ первомъ посланіи ап. Иоанна, получаетъ такое рѣшеніе. „Нѣтъ возможности свести въ одинъ какой-либо даже цѣлый родъ всѣ виды обличаемаго въ посланіи антихристіанства... Въ центрѣ религіозной, нрав-

¹⁾ Бесѣды на первое посланіе св. Апостола Павла къ Коринѣянамъ, С.-Петербургъ, 1858, ч. I, стр. 336.

ственной, умственной и промышленной жизни (т. е. въ Ефесѣ) находили себѣ пріемъ всякаго рода ученія, изъ какаго бы источника они ни исходили, съ преобладаніемъ, конечно, языческихъ идей, и всѣ они, столкнувшись съ христіанствомъ, старались понять и изъяснить его сообразно со своими основными воззрѣніями. Опасность угрожала не отъ одного Кириноа и его послѣдователей, хотя самъ Апостоль назвалъ его типичнымъ врагомъ истины. Въ Малой Азіи еще болѣе широкою волною, чѣмъ кириноіанство разливался языческо-гностическій докетизмъ во всѣхъ разнообразныхъ оттѣнкахъ, сопровождаемый въ то же время гибельнымъ извращеніемъ нравственнаго ученія,—онъ еще въ большей степени угрожалъ благосостоянію христіанскаго общества. Здѣсь же ютилось, можетъ быть, не такъ сильно распространенное, и строго іудействующее направленіе въ формѣ фарисейскаго эвѣонизма, которое могло находить радушный пріемъ у живущихъ въ Ефесѣ и во всѣхъ болѣе или менѣе значительныхъ торговыхъ пунктахъ Малой Азіи въ довольно большомъ количествѣ іудеевъ и христіанъ іудействующихъ. Всѣ эти заблужденія и всѣ посредствующія между ними лжеученія искажали основную догматъ христіанской религіи, извращая ученіе о Лицѣ Іисуса Христа, ибо не были въ состояніи истиннымъ образомъ соединить то, что по человѣческимъ соображеніямъ казалось несоединимымъ¹⁾. По мнѣнію автора, въ посланіи обличается и „эвѣонизмъ съ своимъ ученіемъ, что Христосъ былъ простой человѣкъ, и кириноіане, раздѣлявшіе Іисуса отъ Христа и видѣвшіе въ послѣднемъ только высшаго эона, и всякаго рода докеты, отрицавшіе истинное воплощеніе Сына Божія,—словомъ, всякое лжеученіе, видѣвшее въ Лицѣ Іисуса Христа человѣка, который не Богъ, или Бога, Который не

---

¹⁾ Стран. 146—147.

есть виѣстѣ съ тѣмъ истинный человѣкъ, и извращавшее, поэтому, истинное значеніе пришествія на землю Спасителя міра, Единороднаго Сына Божія“.

Что въ Ефесѣ—этомъ центрѣ религіозной и умственной жизни Малой Азіи сталкивались всякаго рода міровоззрѣнія, это, конечно, совершенно вѣрно,—такъ же, какъ и то, что здѣсь встрѣчались между собою разнообразныя національности. Но отсюда нельзя заключать, что въ первомъ посланіи ап. Іоанна обличается какая то амальгама всякаго рода лжеученій. Это, безъ сомнѣнія, не столько историческая точка зрѣнія, которая въ данномъ случаѣ единственно законна, сколько точка зрѣнія догматическая. Апостоль Іоаннь обличаетъ раздѣленіе Іисуса отъ Христа, Мессіи (2, 22), — отрицаніе Іисуса, какъ Христа пришедшаго во плоти (4, 2), — утверженіе, что Іисусъ пришелъ водою, т. е. искупительными страданіями на крестѣ; а это приложимо, съ исторической точки зрѣнія, не ко всякой христологіи, извращавшей догматъ о Лицѣ Іисуса Христа, а къ извѣстной христологіи, именно христологіи кириноіанской, отдѣлившей Іисуса, простого человѣка, отъ соединившагося съ Нимъ временно при крещеніи высшаго, небснаго эона-Христа. Разсматриваемыя мѣста посланія ап. Іоанна произвольно разрѣшаютъ въ ходячія общія формулы разнаго рода антихристовъ. Множество антихристовъ, о которомъ говоритъ Апостоль, есть множество нумерическое, а не качественное.

Странными представляются намъ соображенія автора, что, при признаніи обличенія въ посланіи одного рода лжеучителей, непонятно было бы „вселенское... вѣками неизживаемое значеніе посланія Апостола Іоанна, какъ богодуховеннаго источника христіанской истины, могущаго служить оуплотомъ и противъ современныхъ анти-христіанскихъ лжеучителей“ (стран. 148. 149). Это, повторяемъ, совершенно не историческая точка зрѣнія и, держась ея, невозможно бы-

ло бы говорить объ обличеніи извѣстныхъ, опредѣленныхъ лжеученій и въ другихъ Апостольскихъ писаніяхъ, а пришлось бы вездѣ усматривать ту же амальгаму лжеученій,—пожалуй даже видѣть пророчественное обличеніе всякихъ, имѣющихъ появиться въ будущемъ, анти-христіанскихъ направленій.

Нашъ взглядъ на лжеучителей перваго посланія ап. Іоанна, проведенный въ сочиненіи „Лжеучители, обличаемые въ первомъ посланіи Апостола Іоанна, Кіевъ, 1890, авторъ находятъ явно противорѣчивымъ. Ибо мы настаиваемъ, что въ посланіи обличается одинъ родъ лжеучителей, которые по своей хринологіи были докеты не строгіе, а по своему нравственному ученію антиномисты, и въ то же время говоримъ, что между лжеучителями былъ Кириноѣ, который, по свидѣтельству древнихъ ересеологовъ, не держался антиномистическихъ воззрѣній. Одно изъ днухъ, заключаетъ г. Сагарда: или въ посланіи вовсе нѣтъ обличенія Кириноѣ, что стояло бы въ явномъ противорѣчій съ свидѣтельствомъ св. Иринея, или же въ посланіи обличается не одинъ родъ гностиковъ. Но не нужно, скажемъ, быть слишкомъ придирчивымъ къ словамъ. Мы допустили такое же противорѣчіе, въ какое впалъ самъ авторъ, когда, при своемъ стремленіи разрѣшить лжеученіе, обличаемое въ первомъ посланіи ап. Іоанна, въ общія антихристіанскія формулы, онъ вынужденъ былъ однако сказать, что самъ Апостоль называлъ Кириноѣ типичнымъ врагомъ истины (стр. 146). Кириноѣ не составляетъ, конечно, особаго рода лжеучителей. Свой взглядъ мы можемъ выразить такъ, что въ посланіи обличается Кириноѣ и его послѣдователи. Самъ Кириноѣ не проводилъ антиномизма, но его послѣдователи, опираясь на его же гностическихъ посланіяхъ, естественно могли это сдѣлать.

Авторъ полагаетъ, что его точка зрѣнія на лжеучителей перваго посланія ап. Іоанна вполне оправдывается исторіею, и, наоборотъ, всякая другая точка зрѣнія лишена историчности. Онъ пишетъ слѣдующее: „Состояніе мало-азійскихъ

церквей, къ концу жизни Апостола Павла и особенно въ периодъ пребыванія тамъ Апостола Иоанна, многообразныя опасности, угрожавшія имъ со всѣхъ сторонъ, и та разнообразная борьба, какую они должны были выносить подъ водительство Апостола, не позволяютъ даже думать, что увѣщательно полемическое посланіе стража Церкви, зорко присматривавшагося и прислушивавшагося ко всему, что дѣлали и говорили антихристы и ревниво оберегавшаго своихъ возлюбленныхъ чадъ отъ всякаго рода обольщеній, направлено противъ одного рода еретиковъ, или даже противъ отдѣльнаго еретика. Только совершенно отрѣшившись отъ почвы и обстоятельствъ, среди которыхъ и на которыхъ возрастали мало-азійскія церкви и отправляяъ свое апостольское служеніе св. Иоаннъ, можно спорить о родѣ еретиковъ и съ видимою научною основательностью рѣшительно указывать на Кириноа, какъ единственнаго антихриста, обличаемаго Апостоломъ Иоанномъ“ (стр. 149). Но, держась этой точки зрѣнія, нужно бы видѣть обличеніе разнаго рода лжеученій и въ посланіи къ Колоссянамъ, и въ Пастырскихъ посланіяхъ, и въ Апокалипсисѣ. Эта точка зрѣнія отличается вообще большою эластичностью.

III.

Къ изъясненію Иоан. 8, 44 и 10, 12. 13.

Профессоръ Московской Духовной Академіи М. Тарѣевъ упорно защищаетъ справедливость своего толкованія Иоан. 8, 44 и 10, 12. 13, высказаннаго на страницахъ Богословскаго Вѣстника (1903, кн. 9 и 10). Это видно изъ его статьи „Экзегетическія замѣтки“, помѣщенной въ майской книгѣ „Богословскаго Вѣстника“ за настоящій годъ и составляющей отвѣтъ на наши „Экзегетическія замѣчанія“ (Труды Киевской Духовной Академіи, 1904, мартъ), гдѣ мы показали

полную неудовлетворительность толкованія данныхъ мѣстъ проф. Тарѣвымъ. Прежде всего считаемъ нужнымъ замѣтить, что этотъ отвѣтъ написанъ въ высшей степени грубо, имѣеть одною изъ своихъ цѣлей нанести намъ всяческія оскорбленія, и это тѣмъ болѣе непонятно, что, съ своей стороны, мы не подали проф. М. Тарѣву ни малѣйшаго повода къ употребленію такихъ недостойныхъ серьезнаго ученаго полемическихъ пріемовъ. Явно, что проф. М. Тарѣвъ насъ не понялъ. Никакими „призраками Гильгенфельда и Фолькмара“ мы ему не угрожали, а сдѣлали только простую историческую справку, имѣющую свою цѣлью не выясненіе генезиса толкованія проф. Тарѣва, а доказательство того, что изъясненіе г. Тарѣва не можетъ претендовать даже на оригинальность. Поневолѣ приходится сказать, что „у страха глаза велики“

Но обратимся къ самому отвѣту проф. Тарѣва.

„Мое изъясненіе и того и другого мѣста (т. е. Іоан. 8, 44 и 10. 12. 13) критикъ находитъ „ненатуральнымъ“ (стр. 447. 449). Было бы весьма интересно узнать отъ проф. Богдашевского, что онъ разумѣеть подъ „натуральностью“ экзегесиса, такъ какъ у ученыхъ комментаторовъ нѣтъ обыкновенія называть тотъ или другой экзегесисъ такимъ терминомъ“.

Видно, что г. Тарѣвъ мало знакомъ съ комментаріями, если говоритъ, что ученые экзегеты не пользуются терминомъ „натуральное толкованіе“. А если онъ держится того взгляда, что нѣтъ ни ненатуральнаго, ни натурального экзегесиса, ни яснаго, ни неяснаго толкованія, ибо что для одного натурально, то для другого искусственно, или что для одного ясно, то для другого темно, то оспаривать этотъ релятивизмъ профессора мы не намѣрены. Быть можетъ, онъ лучше насъ пойметъ, если мы скажемъ, что его толкованіе данныхъ мѣстъ парадоксально. Но тогда онъ будетъ интересоваться,

что такое парадоксальное толкованіе, и очутится въ положеніи извѣстнаго метафизика басни Хемницера.

Профессоръ Тарѣевъ обличаетъ насъ, далѣе, въ томъ, что мы исказили его мысль и въ такомъ искаженномъ видѣ подвергли ее критикѣ, — „приемъ самый употребительный, но неприглядный“. Въ чемъ же именно мы исказили мысль г. Тарѣева? Въ томъ, будто бы приписали ему утверженіе, что глаголь *σχορπίζειν* не имѣетъ значенія „разгонять“, а затѣмъ, исказивши такъ мысль автора, указывали примѣры такого значенія глагола. Но это явная клевета на насъ. И мы говорили не объ общемъ значеніи глагола *σχορπίζειν*, а о его употребленіи въ Новомъ Завѣтѣ. Мы не сомнѣвались и теперь не сомнѣваемся, что проф. Тарѣевъ знаетъ на основаніи словарей общее значеніе *σχορπίζειν*: „разгонять“ и „расточать“, но онъ, повторяемъ, не зналъ, что *σχορπίζειν* имѣетъ въ Новомъ Завѣтѣ значеніе „разгонять“. Вѣдь и теперь проф. Тарѣевъ настаиваетъ, что въ Иоан. 16, 32 *σχορπίζειν* принадлежитъ общее неопредѣленное значеніе. Гдѣ же, послѣ этого, *σχορπίζειν*, по его мнѣнію, означаетъ въ Новомъ Завѣтѣ „разгонять“?

Мы говорили, что если при *σχορπίζειν* стоитъ accusativus (точнѣе accusativ. лица), то этотъ глаголь означаетъ: „разсѣивать“, „разгонять“, и сдѣлали въ подтверженіе этого ссылку на Пс. 17 (18), 15; 2 Цар. 22, 15 и Иоан. 16, 32. А проф. Тарѣевъ намъ возражаетъ: „вотъ блудный сынъ расточаетъ имѣніе свое (*διασχορπίσεν τὴν οὐσίαν αὐτοῦ*), управитель расточаетъ имѣніе хозяина (*διασχορπίζων τὰ βάρηχοντα αὐτοῦ*)! Но поймите, почтенный профессоръ, что мы опредѣляемъ значеніе *σχορπίζειν*, а не *διασχορπίζειν*; ваша ссылка на Лук. 15, 13 и 16, 1 явно здѣсь непригодна. Не говоримъ о томъ, что опущена изъ вниманія наша ссылка на Иоан. 16, 32, при внушительномъ намъ замѣчаніи: „ссылается на единственный ветхозавѣтный примѣръ Пс. 17

(18), 15=2 Цар. 22, 15. Вотъ разительный примѣръ послѣднихъ обобщеній“.

Весьма интересно разъясненіе проф. Тарѣва, почему въ Іоан. 10, 12 нужно придать *σχορπίζειν* именно значеніе „расточать“, „растеривать“. Вотъ это разъясненіе. „Частный отгѣнокъ въ употребленіи глагола зависитъ не отъ этого (т. е. не отъ стоящаго при *σχορπίζειν* *accusat.*, какъ утверждаемъ мы), а отъ контекста, отъ того, съ какимъ подлежащимъ онъ сочетается. Въ нашемъ текстѣ важно опредѣлить, какое подлежащее при *σχορπίζει* *tà πρόβατα*: пастухъ или волкъ. Чтобы опредѣлить это, мы обращаемся къ употребленію глагола въ другихъ новозавѣтныхъ мѣстахъ (а раньше, замѣтимъ, г. Тарѣвъ противъ насъ писалъ: „не по употребленію въ Новомъ Завѣтѣ я опредѣлялъ значеніе глагола, а именно говорилъ объ его употребленіи въ Новомъ Завѣтѣ“), и находимъ болѣе или менѣе устойчивое сочетаніе съ подлежащимъ: домоправитель, хозяинъ. Это даетъ намъ обоснованную возможность и въ нашемъ текстѣ относить глаголъ къ подлежащему: пастухъ, а не волкъ“. Какъ видимъ, изъ того, что въ другихъ мѣстахъ Нового Завѣта *σχορπίζειν* болѣе или менѣе устойчиво соединяется съ субъектомъ: домоправитель, хозяинъ, проф. Тарѣвъ заключаетъ, что и въ Іоан. 10, 12 при *σχορπίζει* подразумѣвается *μισθωτός*, а не *λύκος*. Логика замѣчательная!... Вѣдь, пастухъ, по мнѣнію профессора экзегета, есть хозяинъ овецъ... Переходъ естественный, натуральный!.. Руководясь такою логикою, можно, пожалуй, сдѣлать, при данныхъ послыдкахъ, переходъ и къ *λύκος*, потому что и домоправитель, хозяинъ, можетъ, по своимъ качествамъ, приближаться иногда къ хищному *λύκος*. И откуда, спрашивается, г. Тарѣвъ заключилъ о болѣе или менѣе устойчивомъ сочетаніи въ Новомъ Завѣтѣ *σχορπίζειν* съ подлежащимъ: домоправитель, хозяинъ? Прямыхъ мѣстъ такого рода въ Новомъ Завѣтѣ нѣтъ, и только, выходя изъ того явно искусственнаго сообра-

женія, что расточеніе предполагаетъ обладаніе, а обладатель есть домоправитель, хозяинъ, можно привлекать Матѳ. 12, 30; Лук. 11, 23 и 2 Коринѳ. 9, 9. Каждому „непосредственно очевидно“, что въ первыхъ двухъ мѣстахъ субъектомъ является человекъ, враждебно относящійся ко Христу („расточаетъ“, т. е. расточаетъ жатву Христову), а въ третьемъ— праведникъ. Прямѣе было бы сказать, что если въ трехъ мѣстахъ Новаго Завѣта *σχορπίζειν* имѣетъ значеніе „расточать“, то такое же значеніе ему принадлежитъ и въ четвертомъ мѣстѣ, т. е. въ Іоан. 10, 12 („расточаетъ“ „растериваетъ“—значитъ пастухъ, а не волкъ). Но слабость этой аргументаціи сразу же была бы очевидна, а потому она и запутана. И здѣсь, очевидно, проф. Тарѣевъ имѣетъ въ виду не только глаголъ *σχορπίζειν*, но и *διασχορπίζειν*. Но изъ 9 мѣстъ Новаго Завѣта, гдѣ употребляется *διασχορπίζειν* (*διασχορπίζωσθαι*): Матѳ. 25, 24. 26; 26, 31; Марк. 14, 27; Лук. 1, 51; 15, 13; 16, 1; Іоан. 11, 52; Дѣян. 5, 37, въ пользу проф. Тарѣева говорятъ только три: Матѳ. 25, 24. 26; Лук. 16, 1, а Лук. 15, 13 можно привлекать только при отождествленіи блуднаго сына, расточившаго свое имѣніе, съ хозяиномъ, домоправителемъ. Такой характеръ имѣетъ „обоснованная возможность“ относить *σχορπίζειν* въ Іоан. 10, 12 къ пастуху, а не къ волку. Ср. и Лук. 1, 51: Богъ, высочайшій Домовладыка, *διασχορπίζειν ὑπερηφάνους*.

Кого, спросимъ далѣе, морочить проф. Тарѣевъ въ слѣдующей своей тирадѣ: „Что волкъ, бросающійся въ стадо, схватываетъ *одну овцу* (какъ у Богдашевскаго), а остальныхъ распугиваетъ, это обычное явленіе. Но не объ обстановкѣ этого явленія, не о томъ, что похищеніе овцы волкомъ сопровождается разсѣяніемъ стада, идетъ рѣчь въ притчѣ. Притча говоритъ не о случаѣ нападенія волка, но даетъ схему отношеній къ стаду—пастыря, наемника и волка: пастухъ (всегда) полагаетъ жизнь свою за овечь,

пастырь убѣгаетъ, какъ только увидитъ приходящаго волка, оставляетъ овецъ, а волкъ расхищаетъ ихъ (αὐτῶν). Если вопросъ о картинѣ явленія, одно дѣло; если о схемѣ, другое дѣло“. Вотъ уже подлинное словоизвѣтіе!.. Не мы виновны въ хитросплетеніи, а повиненъ въ немъ проф. Тарѣевъ. Къ чему вся эта рѣчь о „схемѣ“ и „картинѣ“, и, частнѣе, „схемѣ отношенія волка къ стаду“?. Евангельскій текстъ ясенъ безъ всякихъ подобныхъ „схемъ“: „видитъ приходящаго волка и оставляетъ овецъ, и бѣжитъ“ и дал.

Быть можетъ, самъ г. Тарѣевъ сознаетъ, что все это одно только мороченіе головы, а потому продолжаетъ. „Вторыхъ—и это самое главное. Если даже допустить возможность картиннаго изображенія, *все равно* (курсивъ автора) этимъ не устраняется странность употребленія сначала указат. мѣст., а потомъ существительнаго. Пусть волкъ однѣхъ овецъ растерзываетъ, а другихъ распугиваетъ, въ этомъ еще нѣтъ основанія сказать: растерзываетъ *ихъ* и распугиваетъ *овецъ*, все равно нужно было бы сказать: растерзываетъ овецъ и распугиваетъ *ихъ*“. Жаль, что не сказано такъ, какъ нужно бы, по мнѣнію Тарѣева, сказать!.. Прискорбно за того экзегета, который конструкцію новозавѣтной рѣчи опредѣляетъ нашею русскою конструкціею. Это—полное незнаніе новозавѣтнаго языка. Въ жару своей полемики проф. Тарѣевъ не понялъ даже нашего замѣчанія, что „замѣна простого αὐτῶν при σχορπίζει черезъ τὰ πρόβατα объясняется.. усиленіемъ мысли“ (т. е. черезъ постановку τὰ πρόβατα вм. αὐτῶν) и спрашиваетъ насъ: „ужели „разогнать“ сильнѣе, чѣмъ расхитить?!“.

Обращаемся къ защитѣ проф. Тарѣевымъ своего толкованія Иоан. 8, 44.

Толкованіе это мы назвали страннымъ, ибо въ Писаніи нигдѣ нѣтъ рѣчи объ „отцѣ діавола“. На это г. Тарѣвѣвъ возражаетъ: „кромѣ, какъ я полагаю, даннаго мѣста“ и продолжаетъ: „вѣдь и объ отцѣ лжи въ Писаніи нигдѣ нѣтъ рѣчи... ergo, оба толкованія въ этомъ отношеніи одинаковы“. На самомъ дѣлѣ, толкованія наши далеко не одинаковы. Что діаволъ есть „отецъ лжи“ (теперь проф. Тарѣвѣвъ уже не говоритъ, что выраженіе „отецъ лжи“ совершенно бессмысленно), это видно изъ непосредственно предшествующихъ словъ: *во истинѣ не стоитъ*, равно изъ Быт. 3, 1 и далѣе, гдѣ діаволъ представляется какъ *auctor mendacii*. Но что въ Евангеліи Богъ можетъ называться „отцемъ діавола“, этого ни чѣмъ нельзя подтвердить. Богъ есть Творецъ, Владыка діавола, предъ Которымъ онъ трепещетъ, но не Отецъ діавола.

Данное мѣсто ев. Иоанна есть единственное въ Новомъ Завѣтѣ мѣсто, гдѣ одинъ предикатъ (φῑβότης) употребленъ безъ члена, другой (ὁ πατήρ)—съ членомъ, а потому требованіе, чтобы мы указали другіе подобные примѣры, является безусловно невыполнимымъ. Вѣдь могутъ же быть исключенія въ новозавѣтномъ языкѣ!... Мы ясно показали, почему φῑβότης стоитъ безъ члена, а πατήρ—съ членомъ. Повторимъ свою аргументацію. „Что при φῑβότης нѣтъ члена, а при πατήρ находится членъ, это объясняется тѣмъ же, почему и въ предшествующемъ въ одномъ случаѣ при ἀλήθεια поставленъ членъ, въ другомъ—нѣтъ: *и во истинѣ* (ἐν τῇ ἀλήθειᾳ) *не стоитъ, яко нѣсть истины* (οὐκ ἔστιν ἀλήθεια) *въ немъ*. Слова: *яко лжець* (φῑβότης) *есть* соотвѣтствуютъ именно выраженію: *яко нѣсть истины въ немъ*,—истины вообще, которая чужда его существу; и это потому, что *во истинѣ не стоитъ* (источное начало лжи діавола),—истинѣ καὶ ἑξοχῆν, которую Богъ открытъ: діаволъ первый виновникъ (ὁ πατήρ) отступленія отъ истины Божіей, избобрѣтатель лжи“. Никакого хитросчетенія въ этой аргументаціи, кото-

рую г. Тарѣвъ не привелъ въ цѣлости, нѣтъ; мы совершенно законно опираемся на параллелизмъ Апостольской рѣчи: предшествующее отрицательное: *ὅτι οὐκ ἔστιν ἀλήθεια ἐν αὐτοῖς*—слѣдующему положительному: *ὅτι ψευδής ἐστι*. Между тѣмъ г. Тарѣвъ занимается именно простымъ хитросплетеніемъ, когда пишетъ слѣдующее: „Вѣдь, если бы я говорилъ, что каждое существительное въ евангеліи употребляется или на всемъ протяженіи съ членомъ или на всемъ протяженіи безъ члена (кто, спросимъ, можетъ утверждать такую нелѣпость и кто подвергалъ бы ее критикѣ), въ такомъ случаѣ его (т. е. нашъ) примѣръ имѣлъ бы значеніе. Но, вѣдь, я говорю о членѣ при одинаковыхъ частяхъ одного предложенія, а онъ указываетъ мнѣ на одно слово въ двухъ предложеніяхъ. Вѣдь два предложенія, хотя бы и рядомъ стояли, не составляютъ одного предложенія“ (этого не осмѣливаемся подвергать сомнѣнію). Выходитъ, что, умѣя самъ писать туманно, проф. Тарѣвъ не понимаетъ нашей ясной аргументаціи. Быть можетъ, пониманіе даннаго мѣста ему облегчатъ Бутманъ, Винеръ, Шмидель, Блясъ, которые нѣсколько лучше знаютъ особенности новозавѣтнаго языка, чѣмъ нашъ критикъ, и ссылка на которыхъ не имѣетъ своей цѣлью „защиту чести семинарскихъ учебниковъ“.

Но вотъ проф. Тарѣвъ собирается, далѣе, нанести намъ рѣшительнѣйшій ударъ, предъ которымъ мы должны уже безусловно умолкнуть и „благородно сознаться въ своей ошибкѣ и не позорить себя упорствомъ“. Да, ударъ страшный!... „Несокрупимую (въ примѣчаніи прибавляется: „съ консервативной точки зрѣнія, на которой стоитъ Богдашевскій“) опору—пишетъ онъ—для своего объясненія Іоан. 8, 44 я нашелъ въ древне-славянскихъ переводахъ. Въ „Остромировомъ Евангеліи 1056—57 г., хранящемся въ Импер. публ. библіотекѣ“, л. 33 (я имѣлъ подъ руками фотолитогр. изд. Спб. 1883) читается: „яко ложь и отецъ его“. То же чтеніе въ принадлежащихъ библіотекѣ М. Д. А. пергам. ру-

кописяхъ—XII в. (№ 1 Волок.) л. 19 обор., XIV в. (№ 138) л. 166 об. . . . То же чтеніе имѣютъ „Новый Заѣтъ Г. н. I. Хр., трудъ святителя Алексія, М. М. (я имѣлъ фототип. изд. Леонтія М. М. 1892), „Мирославльево јевангеліе (XII в.—изданіе кор. Серб. Александра Беогр. 1897)“. Далѣе слѣдуютъ ссылки на другія древне-славянскія рукописи, имѣющія переводъ: „яко ложь есть и отецъ его“ и дѣлается заключеніе: „предлагаемый мною на критическихъ основаніяхъ переподъ Иоан. 8, 44 оказывается древнѣйшимъ славянскимъ переводомъ, исчезнувшимъ лишь въ бумажно-печатный періодъ, вѣроятно, подъ вліяніемъ „цензуры“ извѣстнаго рода мыслителей“.

Вся эта „сокрушительная“ для консерваторовъ аргументація есть плодъ какого то недомыслія со стороны г. Тарѣева. Неужели нашъ критикъ не замѣчаетъ, что въ буквальный древне-славянскій переводъ онъ влагасть ту мысль, какая ему желательна и какая въ немъ вовсе прямо не дана? Неужели не замѣчаетъ?... Проф. Тарѣевъ явно путаетъ: древне-славянскій переводъ является несокрушимую опору то для его *объясненія*, то для его *перевода*. А, вѣдь, есть же различіе между объясненіемъ и переводомъ. „Яко ложь есть и отецъ его“. Ни откуда не видно, что „яко“ не имѣетъ здѣсь кавзальнаго значенія, и это „непосредственно очевидно“ только для нашего критика, приступающаго къ толкованію древне-славянскаго перевода съ извѣстною уже предзанятою мыслию; ни откуда не видно, что „ложь“ (т. е. лживый, лжець) въ древне-слав. переводѣ есть предикатъ, а „отецъ его“—субъектъ рѣчи: это опять своеобразное толкованіе. Этимъ своимъ толкованіемъ проф. Тарѣевъ такъ увлекся, что даже опускаетъ „есть“ (въ Новомъ Заѣтъ митроп. Алексія, какъ и въ Остром. и Миросл., читается: „ложь есть и отецъ его“) и прямо заявляетъ, что древне-славянскій переводъ означаетъ: „что лживъ и отецъ его“. Вся эта сокрушительная для насъ консерваторовъ аргументація „Путь ея походитъ на путь мѣлкихъ“ не-

сокрушимую основу для своего объясненія Іоан. 8, 41 я нашелъ въ греч. текстѣ, гдѣ стоитъ: *ὅτι φερότης ἐστὶ καὶ ὁ πατὴρ αὐτοῦ*. Ничего не преувеличиваемъ!... А вотъ что сокрушительно, дѣйствительно сокрушительно, для проф. Тарѣва, и тутъ уже никакое его хитросплетеніе не поможетъ: въ Новомъ Завѣтѣ св. м. Алексія стоитъ: „*зана* ложь есть и отецъ его“ (стран. 46). Неужели „*зана*“ не имѣетъ кавзальнаго значенія, и можно ли послѣ этого давать древне-славянскому переводу даннаго мѣста то толкованіе, какое находимъ у нашего критика?... Вся аргументація проф. Тарѣва разрывается, какъ паутина. Выходитъ, что онъ допустилъ здѣсь крупный недосмотръ, а, быть можетъ, что-нибудь и большее. Для него является положительнымъ открытіемъ, сообщеннымъ ему другими, что въ древне-славянскихъ переводахъ стоитъ: „отецъ его“, а между тѣмъ это членіе отмѣчено и въ Синодальномъ изданіи: „Новый Завѣтъ Господа нашего Іисуса Христа на четырехъ языкахъ“.

И послѣ этого проф. Тарѣвъ имѣетъ смѣлость писать: „не смущала древнихъ переводчиковъ и идея „отца діаволова“: тогда еще гг. Богдашевскіе не пугали переводчиковъ и читателей призраками „Гильгенфельда и Фолькмара“. На это мы должны отвѣтить: если бы наша экзегетика разрабатывалась гг. Тарѣвыми, то она обратилась бы въ рядъ сплошныхъ экзегетическихъ парадоксовъ, безцѣльнаго оригинальничанья. Послѣ этого проф. Тарѣвъ можетъ развязно высмѣивать насъ, что наше толкованіе „не доводитъ до свягой древности“, а его своеобразное отношеніе къ евангельскому тексту „приводитъ къ древнему сокровищу церковнаго преданія“. Никто, думаемъ, не пожелаетъ такого пользованія сокровищемъ церковнаго преданія. Для г. Тарѣва не имѣютъ никакого значенія древніе переводы: Сирскій, древне-латинскій, Вульгата и др., гдѣ стоитъ *quia mendax est* (Syr: *quia mendax est, etiam pater ejus*).

Кто же изъ насъ попалъ „въ тупикъ,—проф. ли Тарѣвъ или мы?—

знаться въ своей ошибкѣ и не позорить себя упорствомъ“? Предоставляемъ судить объ этомъ читателямъ.

Мы прямо удивляемся, почему проф. Таръевъ упорствуетъ. Вѣдь ясное, кажется, яснаго Божьяго дня такое теченіе евангельской рѣчи: „Когда говоритъ онъ ложь, отъ своего говоритъ“. Почему „отъ своего“? „Ибо онъ ложь“ и дал. И наоборотъ, нельзя, кажется, придумать болѣе искусственной конструкціи даннаго мѣста, чѣмъ слѣдующая, предлагаемая г. Таръевымъ: „когда говоритъ онъ эту ложь (что лжець и Отець его), то онъ отъ себя говоритъ, что лжець и Отець его“.

Возможны два грамматически правильные перевода даннаго мѣста: 1) „когда говоритъ онъ ложь, отъ своего говоритъ, ибо онъ лжець и—даже (онъ) отецъ аѳѳѳ (т. е. лжи — φεῦδος)“; и 2) „когда говоритъ онъ ложь, отъ своего говоритъ, ибо онъ лжець и (лжець) отецъ его (или какъ въ нѣкоторыхъ древне-латинскихъ переводахъ: „какъ и отецъ“ — sicut et pater), т. е. диміургъ. Но послѣдній переводъ явно невозможенъ вслѣдствіе получаемой при немъ мысли.

Итакъ, кто изъ насъ попалъ „въ тупикъ“? Кажется, что не „консерваторъ“ оказался въ такомъ положеніи.

IV.

Къ изъясненію Лук. 16, 1—13.

Защитивши указаннымъ способомъ свое пониманіе Иоан. 8, 44 и 10, 12. 13, проф. Таръевъ переходитъ къ опроверженію нашего толкованія притчи Господа о неправедномъ домоуправителѣ и предлагаетъ свое изъясненіе послѣдней. Почему онъ отвергаетъ наше толкованіе? „Старо“,—говоритъ,—„уже пресытило насъ“... Но лучше хорошее старое, чѣмъ парадоксальное новое, ни кого не питающее. Г. Таръевъ развязно замѣчаетъ: „вчера я прочиталъ статью Богданевскаго, нынѣ ему отвѣчаю, и не имѣю ни времени, ни желанія справляться съ комментаріями“. Вотъ какое

легкомысленное отношеніе къ дѣлу: къ рѣшенію одной изъ труднѣйшихъ экзегетическихъ проблемъ г. Тарѣвъ приступаетъ, не имѣя вовсе солидной подготовки. Неудивительно, отсюда, что его „писаніе“ носитъ такой „своеобразный“ характеръ.

Г. Тарѣвъ начинаетъ приведеніемъ нашего объясненія притчи о неправедномъ домоуправителѣ. „И похвали господь домустроителя неправеднаго: похвалилъ не за его неправду, а за его мудрость, т. е. житейскую опытность, находчивость, предусмотрительность; фактъ неправедности домоуправителя ясно поставляется на видъ въ словахъ: *неправеднаго* домустроителя; домовладыка хвалитъ только мудрую заботливость домустроителя о будущемъ, но не одобряетъ избранныхъ имъ для этого средствъ“. „Итакъ—заключаетъ проф. Тарѣвъ—по мнѣнію Богдашевскаго, „если господинъ похвалилъ управителя невѣрнаго (неправеднаго)“, то значитъ „неправедность поставляется на видъ“, какъ не заслуживающая похвалы. Но поставлять въ такую странную связь наши мысли можетъ только г. Тарѣвъ, и только онъ можетъ такъ скоро подмѣнивать „неправедность“ словомъ „невѣрность“. „Это—продолжаетъ нашъ критикъ—ясный образчикъ схоластической увертливости, подправленной „дешевымъ благочестіемъ“. Не завидуемъ мы логикѣ проф. Тарѣва, подправленной „истиннымъ благочестіемъ“.

„Евангельскій текстъ—продолжаетъ г. Тарѣвъ—нужно понимать обратно этому толкованію. Если господинъ похвалилъ управителя невѣрнаго (неправеднаго), то значитъ похвалилъ именно управителя невѣрнаго, и слѣдовательно притча научаетъ насъ именно невѣрности (неправедности), хотя бы эта мысль претила дешевому благочестію и „азбучной этикѣ“. Опять „дешевое благочестіе“!... Но къ этому „дешевому благочестію“ и „азбучной этикѣ“ возвращается самъ нашъ великій моралистъ, когда продолжаетъ. „Въ самомъ дѣлѣ, читайте притчу: управителю от-

должниками; и вотъ „похвалилъ господинъ управителя невѣрнаго, что догадливо поступилъ“ (ст. 8). *Здѣсь ужь поистиннѣ „всякому непосредственно очевидно“, что господинъ похвалилъ управителя за его догадливость, за „избранное имъ средство“ обезпечить свою будущность“.* Понятіе „невѣрности“ (неправедности) управителя, какъ видимъ, уже исчезаетъ, а выступаетъ только его догадливость (эти двѣ черты управителя г. Тарѣвъ смѣшиваетъ и дальше). Видно ясно, что нашъ критикъ пишетъ свои статьи именно такъ: „вчера прочиталъ... нынѣ отвѣчаю, и не имѣю ни времени, ни желанія справляться съ комментаріями“. Забывши то, что онъ только что написалъ согласно „азбучной этикѣ“ и „дешевому благочестію“, проф. Тарѣвъ безъ смущенія продолжаетъ. „Рекомендуя намъ невѣрность управителя, притча оговаривается(?): „ибо сыны вѣка сего догадливыѣ сыновъ свѣта въ своемъ родѣ“. Намъ рекомендуется подражать невѣрности управителя для своихъ цѣлей, въ своемъ родѣ,—намъ рекомендуется поступать аналогично невѣрности управителя“.

Каждому, и не читающему дальше статьи, „непосредственно очевидно“, что понятію „невѣрность“ (неправедность) г. Тарѣвъ ухитрится придать какой то особенный здѣсь смыслъ. Какой же именно?

Замѣтивши, что *οἰκονομὸς τῆς ἀδικίας* и *μαρτυρᾶς τῆς ἀδικίας* нужно переводить: „домостроитель невѣрный (неправедный)“ и „богатство невѣрное (неправедное)“ и что *τῆς ἀδικίας* должно быть объясняемо одинаково въ примѣненіи къ управителю и въ примѣненіи къ богатству,—при чемъ въ объясненіи нужно идти отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, отъ образа къ обозначаемому, т. е. отъ управителя къ богатству,—авторъ разъясняетъ, что „управитель невѣрный“—это управитель, „не оправдывающій довѣрія господина, не вѣрный интересамъ имѣнія, которое ему было ввѣрено“. А въ приложеніи къ богатству,—не къ лицу,

какъ управитель, а къ вещи,—τῆς ἀδικίας получаетъ такой смыслъ: „богатство невѣрное, т. е. интересамъ котораго оказываютъ невѣрность, которое расточаютъ? Но лучше, по мнѣнію Тарѣва, τῆς ἀδικίας при μαμωνᾶς передать такъ: „богатство невѣрности, мамона невѣрности (=невѣрность богатству)“. „Управитель — невѣрный, такъ какъ не соблюдаетъ интересовъ имѣнія, не приумножаетъ его, расточаетъ, и богатство есть мамона невѣрности, такъ какъ (?) не соблюдаютъ его интересовъ, расточаютъ его“. „Притча научаетъ: какъ *невѣрный управитель* былъ догадливъ въ своемъ родѣ, такъ мы должны приобрѣтать себѣ вѣчныя обители мамонной невѣрности, т. е. невѣрностью интересамъ богатства“.

Не завидуемъ мы этой логикѣ проф. Тарѣва, безмѣрно превосходящей „логику учебниковъ“. Вотъ соотношеніе понятій, указываемое нашимъ критикомъ: богатство невѣрное = богатство невѣрности = невѣрность богатству. Не хитросплетеніе ли это?.. Какой, спрашивается, γενitiv. τῆς ἀδικίας? Такъ какъ вмѣсто „невѣрность“ можно поставить: „неправедность“ или „небрежность“, „нерадивость“, то получаемъ: „богатство неправедное“ = „богатство неправедности“ = „неправедность (съ нашей стороны) въ отношеніи къ богатству; или: „богатство небрежное“ = „богатство небрежности“ = „небрежность наша къ богатству“. И послѣ этого г. Тарѣвъ проситъ насъ разъяснить, что такое натуральное толкованіе!.. Подобнаго толкованія τῆς ἀδικίας никто никогда не проводилъ и, мы увѣрены, никто и не будетъ проводить. Что получается, если данный способъ изъясненія проф. Тарѣва примѣнить къ однороднымъ по строю выраженіямъ, напр., ὁ πλοῦτος (τὸ πλοῦτος) τῆς δόξης? Получается не „богатство славы“, т. е. полнота славы, а „слава (съ нашей стороны) богатству“... Мамона неправды можетъ означать богатство неправедное (т. е. обманчивое), или богатство, стяжанное неправдою, или богатство, ведущее къ неправдѣ, — съ которымъ

растетъ, умножается неправда, но—никогда не можетъ имѣть значенія: „невѣрность (съ нашей стороны) богатству“, его интересамъ. Тутъ никакое упорство не должно имѣть мѣста. Въ словахъ: „похвали господи́нь домостроителя неправеднаго, яко мудръ сотвори“ сила рѣчи падаетъ не на словѣ „неправеднаго“, а—„яко мудръ сотвори“: похвалилъ, при его невѣрности, или не смотря на его невѣрность, за его догадливость, подражать которой въ методикѣ дѣйствованія должны христіане.

Свое явное хитросплетеніе г. Тарѣвъ думаетъ оправдать свойственною Евангелію „смѣлостью мысли“, „свободою переходовъ“, „слѣдующихъ логикъ идей, а не логикъ словъ“. Вотъ „смѣлый“ переходъ, по мнѣнію Тарѣва, отъ Лук. 16, 9 къ Лук. 16, 10: „пріобрѣтайте себѣ друзей невѣрностью богатству... вѣрный въ маломъ и во многомъ вѣренъ“ и пр. Идея такая: невѣрность богатству есть высшая вѣрность Богу“. Понимайте, какъ знаете!... Это, видите ли, „смѣлость переходовъ“!... Только что была рѣчь о невѣрности богатству, а далѣе слѣдуетъ: „вѣрный въ маломъ (т. е. вѣрный въ богатствѣ земномъ) и во многомъ (т. е. въ благахъ вѣчныхъ) вѣренъ“.

Г. Тарѣва съ его презрѣніемъ къ „дешевому благочестію“ и „логикѣ учебниковъ“ ничто не смущаетъ. Онъ не изясняетъ намъ Евангельскій текстъ, а явно насилуетъ его, примѣнительно къ своему „своеобразному“ толкованію. Каждому „непосредственно очевидно“, что, при указанномъ пониманіи $\mu\alpha\tau\omega\nu\acute{\alpha}\varsigma\ \tau\eta\varsigma\ \acute{\alpha}\delta\iota\kappa\iota\alpha\varsigma$, г. Тарѣвъ встрѣчался съ необыкновенною трудностью, какой нужно придать смыслъ $\epsilon\upsilon\ \tau\omega\ \acute{\alpha}\delta\iota\kappa\omega\ \mu\alpha\tau\omega\nu\acute{\alpha}\varsigma$ въ Лук. 16, 11. Но онъ преодолеваетъ эту трудность легко, со свойственною ему „смѣлостью переходовъ“. Нисколько не смущаясь, онъ понимаетъ здѣсь $\acute{\alpha}\delta\iota\kappa\omega\varsigma$ въ смыслѣ: „негодный“: „если въ негодномъ богатствѣ вѣрны не были“ и дал. „Пришлось—заявляетъ онъ безъ смущенія—для $\acute{\alpha}\delta\iota\kappa\omega\varsigma$ ниже взять другой корень „негодный“, хо-

тя все-таки родственный (радѣть—у—годить). Для самаго слова негодный ср. греч. *ἄδικος οἰκέτης*. Полагаю, что различіи между *ἀδικίας* и *ἄδικος* и перехода въ мысляхъ отъ 9 къ 10 ст. достаточно, чтобы такъ различно перевести эти слова“. Какъ видимъ, все та же „смѣлость переходовъ“!... Пусть проф. Тарѣвъ укажетъ примѣры подобнаго употребленія *ἄδικος* въ Новомъ или въ Ветхомъ Заветѣ¹⁾.

На возвышенной этикѣ г. Тарѣва, составляющей противоположность нашей „теплохладности“, не имѣемъ „ни времени, ни желанія“ здѣсь останавливаться²⁾.

Лучше, заключимъ, старое хорошее, чѣмъ новое парадоксальное. Въ пользу нашего пониманія словъ: „мамона неправды“ „неправедное имѣніе“ говорить слѣдующее мѣсто 2 книги Эздры: „обидитъ вино (*ἄδικος ὁ οἶνος*), обидитъ царь (*ἄδικος ὁ βασιλεύς*), обидятъ жены (*ἄδικοι αἱ γυναῖκες*), неправедни вси сынове челоувѣчестіи и неправедна вся дѣла ихъ

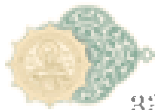
¹⁾ Въ значеніи негодный къ употребленію *ἄδικος* упогребляется иногда у классиковъ: *ἴπποι ἄδικοι*; *ἄδικοι οἰκέται*.

²⁾ Замѣтимъ еще слѣдующее:

а) Подъ „господиномъ“, похвалившимъ неправеднаго домоправителя, разумѣется не Иисусъ Христосъ, а владыка домоправителя, что ясно видно изъ дѣльнѣйшихъ словъ: *и азъ вамъ маюлю*.

б) „Неправеднаго“ (*τῆς ἀδικίας*) нельзя, какъ мы раньше сказали, непосредственно связывать съ „похвали“ (*ἐπήνεσεν*), ибо предметъ похвалы указывается дальше: *яко мудръ сотвори*. „Неправедность“ домоправителя состояла не въ томъ только, о чемъ говорится въ 16, 4—7, а въ его управленіи имѣніемъ вообще. То, о чемъ идетъ рѣчь въ 16, 4—7, было только завершеніемъ, послѣднимъ актомъ его неправедности, и догадливость, обнаруженная въ этомъ актѣ, и похваляется господиномъ.

с) „Гдѣ оскудѣетъ“—*ὅταν ἐκλίπῃ*, т. е. мамона, богатство. Но мамона, какъ земное обладаніе, оскудѣетъ со смертію челоувѣка, а потому „оскудѣете“—*ἐκλίπητε* („умрете“) есть вѣрная по смыслу глосса.

сицевая (καὶ ἀδικα πάντα τὰ ἔργα αὐτῶν πάντα τὰ τοιαῦτα) и иѣсть въ нихъ истины, и въ своей неправости (τῇ ἀδικίᾳ) погибають“ (4, 37). Ср. также Матѳ. 13, 22: ἡ ἀπάτη τοῦ πλοῦτου.

Отъ дальнѣйшей полемики съ проф. М. Тарѣвымъ по затронутымъ экзегетическимъ вопросамъ считаемъ за лучшее уклониться, такъ какъ ему, видно, не свойственно вести полемику спокойно, въ строго объективномъ духѣ.

Д. Богданевскій.